

Фото автора

Евгений Агранович.
«Вещающий с креста»
и другие работы

Спасать своих братьев. И их при этом с удовольствием убивают. Добывают китов на таком подломе приеме. Мне этот способ показался свинством. Человек не должен до этого опускаться. Я написал об этом резкое стихотворение. «Новый мир» его даже набрал. Потом набор рассыпали. Видно, почувствовали, что я вторгся в такую область, куда мы, литераторы, вторгаться не должны.

— Поэтому вы стали делать скульптуры? — предположил я.

— Да, это последствия работы в кинематографе. Я написал множество сценариев. Режиссер принимает. Выходим на художника. И вдруг там начинают пропускать через мясорубку в обе стороны. Потом смешивать с разными второстепенными веществами и утапливать. Что делает мой коллега-приятель в этом случае? Чтобы сердце не откажало, он хватается за рюмку. Я хватаюсь за резец. Руки заняты. Радуюсь придуманному. И через некоторое время ко мне возвращается достоинство. Это все-таки произведение искусства. Стоит ли оно в Лувре или у вас на подоконнике.

Агранович подводит меня к одной из композиций «Девочка провожает лебедей». В этой работе, как, впрочем, и в других, смысл кроется именно в деталях — опухшем от слез лице и очень выразительной руке. Лебеди вырезаны из оленьего рога.

— Человечество держит в руке олений рог примерно 40 тысяч лет. — В голосе Евгения Даниловича, еще пару минут назад жестким и

«Березовый сок» дороже «Мерседеса»

задиристом, снова чувствуется теплота. — Использовали рог как рукоятку для оружия или как вешалку для одежды. И никому не приходило в голову, что из оленьего рога, например, можно воспроизвести кисти рук пианиста-виртуоза Вана Клиберна. Мне страшно нравится очень хороший природный материал: самшит, красное дерево, олений рог. Мамонтова кость, например, позволяет очень тонко делать зрачок, ресницы. Я могу добиться определенного выражения глаз. На благородный материал времени не жалко. Я пробовал делать из легкого материала. Из липы, например. И что? Что-нибудь да треснет. А с самшитом ничего не случится. Корабельный вал на яхте из самшита делают.

За самшитовыми корнями Евгений Данилович лазил в ущелье под Гагрой. Зачастую пилил тот самый сук, на котором висел над обрывом. В Калифорнии он не был, но обрезки секвойи — калифорнийской сосны — выменял на водку у рабочих в Никитском ботаническом саду. Циничные таможенники крутили паль-

цем у виска, когда Агранович предъявлял им на таможене неошкуренное поле: мол, в Россию и с дровами. Они и представить не могли, что получится из этих дров.

— **М**еня всю жизнь считали невезучим. Скромные сборники моих стихов и рассказов вышли только в 90-е. — Евгений Данилович на секунду переводит дух, после мгновенной паузы следует еще более яростное продолжение. — По большому счету поэт без книг, художник без выставок, сценарист без полнометражных фильмов. И меня пытались учить, как все-таки надо жить. Чтобы холодильник был холоднее, магнитофон магнитофоннее, а уж автомобиль — настолько автомобильнее, что автомобильнее и некуда. А я радуюсь своим находкам. Это не каждому дано. Когда я придумал оборванца, играющего на лучах солнца, как на гигантских струнах, и сумел это зарисовать, а потом увидел это напечатанным в книге, то радости испытал, поверьте мне, гораздо больше, чем при покупке дубленки.

В эту минуту Евгений Данилович Агранович напоминает одну из своих работ. Она называется «Мальчик, снимающий маску старости».

● Игорь
БЕДЕРОВ